

Цинь Шэнь закрыл дверь и, немного поразмыслив, внезапно усмехнулся: Верно сказано, если малыши будут поздно ложиться, то не вырастут.

Сам ты малыш! Я уже совершеннолетний!

Гу Цунъюань надул щеки. Хотя тон его оставался безразличным, Цинь Шэнь почему-то чувствовал, что тот просто капризничает. Он не удержался и с нежностью взъерошил его пушистые волосы — они оказались такими мягкими, как он и ожидал. Да-да, конечно, никакой ты не малыш.

Услышав это, Гу Цунъюань разозлился еще больше. Ведь собеседник не только говорил с ним так, словно убаюкивал ребенка, но и вел себя соответствующим образом.

Однако в глазах Цинь Шэня Гу Цунъюань сейчас походил на взъерошенного котенка: злился по-детски, но совершенно не выглядел грозно.

Стоявший рядом Сюй Ян чувствовал, что сегодняшней порции чужой нежности ему хватит с избытком, поэтому он не выдержал и отвернулся — с глаз долой, из сердца вон.

Пойдем, сначала вернемся, а там видно будет, — Цинь Шэнь взял Гу Цунъюаня за руку и потянул за собой.

Что же касается Сюй Яна, то если ему так нравится стоять на одном месте, пусть продолжает.

На следующий день —

Теплые, но слепящие солнечные лучи пробились в комнату. Под аккомпанемент криков чаек Цинь Шэнь открыл глаза, и его взгляд тут же приковало спящее лицо Гу Цунъюаня.

В солнечном свете на лице юноши не было ни тени румянца, лишь болезненная бледность, которая, впрочем, смягчала присущую ему в часы бодрствования отстраненную гордость. Вместе с пышными растрепанными волосами и хрупким телосложением он выглядел невероятно крошечным и милым.

Цинь Шэнь не сдержался и легко коснулся губами его лба, не вкладывая в это ни капли страсти, и прошептал с улыбкой: Доброе утро, маленький господин.

К счастью, Гу Цунъюань не проснулся, иначе он мог бы запросто пнуть этого бесстыдника, который вечно пытался воспользоваться его беспомощностью, и сбросить его с кровати.

Закончив, Цинь Шэнь лениво поднялся, встал с постели и направился в ванную.

Едва открыв дверь, он увидел изящную девушку, которая сидела на краю ванны и мило ему улыбалась.

Цинь Шэнь две секунды бесстрастно смотрел на нее, затем взял лежавший у двери ершик для унитаза и одарил «девушку» зловещей усмешкой.

Призрак: ...Ну ты и гад!

Затем призрак с почерневшим лицом швырнул в него какой-то предмет, превратился в дымок и исчез в недрах ванной комнаты.

Цинь Шэнь отложил ершик. Он не стал сразу открывать то, что принес призрак, а не спеша почистил зубы, умылся и только потом медленно вернулся в спальню.

Как раз вовремя — Гу Цунъюань уже проснулся, поэтому Цинь Шэнь прямо при нем открыл вещь, подозрительно похожую на дневник.

Двадцать первое число четвертого месяца 3025 года по имперскому календарю, ясно.

Сегодня я впервые пишу в дневнике. Меня зовут Ясюни Мосен, я старшая дочь в семье Мосен. Сегодня я случайно подслушала разговор родителей: мать, кажется, хочет забрать домой какого-то ребенка, но отец ей запретил. У отца было такое суровое выражение лица, какого я никогда раньше не видела, и это меня встревожило. Чтобы они не заметили, что я подслушивала, я решила вернуться в свою комнату.

Гу Цунъюань с недоумением посмотрел на Цинь Шэня. Его голос после сна звучал немного хрипло и оттого особенно мягко: Откуда это?

Цинь Шэнь улыбнулся — кротко и безобидно: Призрак из туалета подарил.

Глядя на его улыбку, Гу Цунъюань почему-то мысленно почтил память призрака тремя секундами молчания и решил больше не спрашивать о происхождении дневника.

Хочешь послушать? Если да, я продолжу читать, — увидев, что Гу Цунъюань кивнул, Цинь Шэнь протянул руку, снова погладил его по волосам и, прочистив горло, продолжил читать:

Двадцать восьмое число четвертого месяца 3025 года, дождь.

Прошла неделя с тех пор, как я писала в дневнике в последний раз. Конечно, это потому, что я записываю только то, что считаю важным. Сегодня горничная Лола ушла вместе с моей матерью. На душе у меня беспокойно, но госпожа Юнь Вэйэр слишком строга, мне нужно учиться, и нет свободного времени, чтобы отвлекаться. После того как я более трех часов

рассеянно практиковала этикет, мать и Лола вернулись. Они привели с собой человека, который выглядел примерно одного возраста со мной. Судя по одежде, это мальчик.

Они отвели его в комнату, из которой он больше не выходил. Даже во время еды его не было видно, из-за чего я начала сомневаться: не плод ли это моего воображения? Может, мать и Лола никуда не уходили и никого не приводили? Ведь семья Мосен придает огромное значение этикету, невозможно, чтобы гость оставался в комнате безвылазно, даже не выходя к обеду. Я не стала спрашивать об этом мать, потому что она часто говорит, что мне нужно лишь заниматься своими делами, а остальное меня не касается.

Двадцать девятое число четвертого месяца 3025 года, пасмурно.

Сегодня, когда я была на занятиях, я внезапно услышала, как родители начали громко ссориться. Что же случилось? Госпожа Юнь Вэйэр, возможно, заметила мою рассеянность и в порядке исключения дала мне выходной. Я пришла в укромный уголок и наконец-то услышала их разговор.

Оказалось, что мальчик, которого привели мать и Лола, существует на самом деле, и, более того, он — мой младший брат. В одно мгновение я почувствовала и радость, и печаль. Радость — потому что у меня наконец появился новый товарищ для игр, а печаль — потому что отец, похоже, очень недолгобудивает моего брата. Почему же?

Терзаемая сомнениями, я, стараясь не попадаться на глаза горничным, пробралась на балкон второго этажа. Оттуда как раз видно окно комнаты, где держат мальчика. Я долго ждала и наконец увидела, как шторы медленно раздвинулись. Мальчик толкнул раму и холодно посмотрел на меня. Боже! У него было лицо, точь-в-точь как у меня! Я, конечно, знала, что значит появление близнецов. Можно сказать, во всей Империи нет человека, который не знал бы этого. Они — дети проклятия, существа, обреченные на презрение. В тот миг я возненавидела мать — зачем ей понадобилось приводить его сюда!

Первое число пятого месяца 3025 года, небольшой дождь.

Поразмыслив, я решила все-таки рассказать об этом отцу. Не ожидала, что, услышав новость, он упадет в обморок от гнева, что сильно меня напугало. К счастью, за дверью были горничные, с их помощью отец вскоре пришел в себя. Однако первым же делом он приказал всем держать это в тайне, а затем посмотрел на меня с жалостью. Я не совсем понимаю, почему он так на меня смотрел. Он велел мне уйти, и я вернулась в свою комнату доделывать задания госпожи Юнь Вэйэр.

<http://bllate.org/book/21987/2285801>